

Наступил март, природа пробуждалась от зимнего сна, буйно росла трава, и неумолчно пели иволги. Снег на горах наконец растаял, и Ван Ин решил, что пора начинать строительство дома.

Для начала нужно было подготовить материалы. Хоть дом и строился в поместье, он не хотел подходить к делу спустя рукава, ведь, возможно, им придётся остаться здесь надолго.

Кирпич и черепицу в деревне было не достать, за ними нужно было ехать в город и делать заказ заранее. Это был отличный повод заодно проведать родных.

— Завтра я поеду в город. Ты хочешь со мной?

Чэнь Цинъянь отложил книгу и покачал головой.

— Я не хочу возвращаться...

Ван Ин понимал, что у мужа всё ещё остались тяжёлые воспоминания, связанные с городом, и, конечно, не собирался его принуждать. Он с таким трудом немного привёл супруга в чувство, что боялся любого неосторожного шага.

— Тогда я поеду один. В лавке сейчас не так много дел. Когда буду возвращаться, привезу детей погостить на несколько дней.

— Хорошо, как скажешь, брат.

Сердце Ван Ина растаяло, и он увлёк юношу за собой на Экспериментальное поле.

Здесь, в этом уединённом уголке, Чэнь Цинъянь всегда казался гораздо спокойнее. Вероятно, оторванность от мира снимала с его души тяжёлое бремя.

Они жили в поместье уже два месяца. Супруг, который поначалу не мог вымолвить ни слова, теперь почти полностью восстановил способность к общению. Правда, он всё ещё напрягался при виде незнакомцев и не желал вступать в разговоры первым.

Ван Ин не торопил его. У него было достаточно времени, чтобы помочь ему медленно восстановиться.

На Экспериментальном поле созрели персики — крупные, круглые, сочные. Правда, урожай был невелик, поэтому он не собирался их продавать. Молодой человек решил сорвать корзину

и завтра отвезти в город, угостить родных.

Собрав персики, они уселись отдохнуть в тени дерева.

Ван Ин положил голову ему на колени и, откусывая сочный плод, спросил:

— Я собираюсь построить дом в поместье. Какой бы ты хотел?

— Любой.

— Неужели нет никаких особых пожеланий?

Чэнь Цинъянь задумался.

— Можешь построить для меня шестиугольную беседку? В тёплую погоду мы могли бы сидеть там в прохладе и играть в шахматы, а зимой — собираться у жаровни, заваривать чай и любоваться снегом.

— Конечно! А рядом с беседкой посадим несколько сливовых деревьев, и тогда сможем любоваться цветением!

— Жаль только, что здесь слишком холодно для бамбука. Если бы можно было посадить несколько зелёных стеблей, вид был бы ещё лучше.

С древних времён учёные мужи питали особую любовь к сливе, орхидее, бамбуку и хризантеме. Ван Ин вспомнил, что существует сорт бамбука, способный расти в Северном Китае. Он решил поспрашивать о нём и, если удастся найти, купить несколько саженцев для пересадки.

Юноша, загоревшись идеей о новом доме, даже достал кисть и начал набрасывать план расстановки мебели в своём будущем кабинете.

Видя его воодушевление, Ван Ин с облегчением вздохнул. Человеку всегда нужна цель, иначе он теряется и блуждает во тьме. Глядя на его прежнее состояние, он не осмеливался надолго оставлять супруга одного.

На следующее утро Дуньцзы, управляя повозкой, запряжённой мулом, повёз Ван Ина и две корзины персиков в город.

Снег сошёл, и дорога стала намного лучше. Выехав в час Тигра, они добрались до дома к часу

Змеи.

Привратник Линьцзы, завидев знакомую повозку, взволнованно выбежал навстречу.

— Молодой господин, молодой господин-супруг вернулись!

— Я один, — спрыгнув с повозки, сказал Ван Ин.

Линьцзы радостно распахнул ворота, пропуская Дуньцзы во двор.

Госпожа Ли и Чэнь Жун, услышав голоса, тоже вышли их встретить.

— Ин'эр вернулся!

— Мама, третья тётушка.

— А где же Янь'эр?

— Цинъянь не захотел возвращаться, я приехал один.

На лице госпожи Ли мелькнуло разочарование, но она тут же взяла себя в руки и потянула его в дом.

— Как вам жилось эти два месяца в поместье? Привыкли?

— Поначалу было непривычно, — ответил Ван Ин. — В деревне не так-то просто что-то купить, да и староста оказался слишком гостеприимным. Каждый день готовил для нас, чуть всех кур в доме не перерезал.

— Ох, не стоило так утруждать людей.

— Мы с Цинъянем несколько раз пытались его отговорить, но он не слушал. Потом я тайком подсунил ему денег, и только тогда он перестал.

— А Цинъянь... ему лучше? — осторожно спросила госпожа Ли.

— Гораздо лучше. Он почти такой же, как и прежде. Только по-прежнему не любит общаться с незнакомцами. Завидев их, замолкает.

Чэнь Жун похлопала его по руке.

— Слава богу. Мы с невесткой так переживали, боялись, как бы он снова не надумал чего дурного.

— Мама, не волнуйтесь, — успокоил её Ван Ин. — В поместье, конечно, не так, как в городе, но люди там простые и честные, никто не станет говорить глупостей. Пусть он отдохнёт там ещё какое-то время, а как совсем поправится, так и вернётся.

— Не торопитесь. Ты надолго приехал?

— Пробуду два дня и обратно. Я собираюсь купить материалы и построить дом в поместье. Пока весной нет полевых работ, найму людей. Тогда и вы сможете приезжать погостить, будет где остановиться.

При этих словах глаза госпожи Ли загорелись.

— Вот это замечательно! Денег хватит? Если нет, я тебе дам!

— Хватит, много не уйдёт.

Рабочая сила и материалы стоили недорого, а земля была своя. По подсчётам Ван Ина, семидесяти-восемидесяти лянов серебра должно было хватить.

— Я велю Эршуню разузнать, где продают кирпич и дерево. Лучше всего, чтобы доставили прямо в поместье.

— Хорошо.

Ближе к полудню из лавки вернулись Цинъюнь, Линь Цю и Линь Суй.

После отъезда Ван Ина овощная лавка перешла в их ведение.

Поначалу госпожа Ли и Чэнь Жун беспокоились и несколько раз ходили с ними, но, увидев, что те справляются с торговлей на удивление хорошо, успокоились и предоставили им полную свободу.

— Невестка! — Цинъюнь, увидев Ван Ина, бросилась к нему в объятия.

Линь Цю и Линь Суй тоже радостно подбежали.

— Невестка, ты вернулся!

Он с улыбкой взъерошил волосы Цинъюнь.

— На пару дней.

— А где старший брат? Он не приехал?

— Нет. Но через несколько дней я, возможно, заберу вас погостить в поместье.

— Правда?! Вот здорово!

— Пусть Суй'эр поедет с вами, а я останусь... — сказал Линь Цю.

— Почему?

— Его свадьба назначена на октябрь этого года, — с улыбкой пояснила госпожа Ли.

— Так быстро? И кто же жених?

— Тот самый парень по фамилии Цао.

Ван Ин был поражён. Он не ожидал, что у них и вправду всё получится.

— В начале прошлого месяца Цао Кунь пришёл с матерью и свахой просить руки, — начала рассказывать Чэнь Жун. — И по счастливой случайности сваху я знала. Ей оказалась лавочница Фэн, хозяйка суконной лавки, которой мы раньше продавали ткань.

Когда они жили в городе, Чэнь Жун вместе с детьми ткала, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, и каждый месяц относилa ткань в лавку.

Лавочница Фэн была доброй женщиной, никогда не придиралась и не сбивала цену. Со временем они подружились.

Чэнь Жун часто заходила к ней в гости, и та несколько раз выручала её в трудные времена. Она была очень хорошим человеком.

— Как только пришла лавочница Фэн, я поняла, что дело серьёзное. Эта женщина умна и порядочна, она не станет сватать абы кого. Раз она поручилась, что Цао Кунь — хороший парень, я и дала своё согласие на этот брак.

— Вот и славно! — улыбнулся Ван Ин. — Значит, скоро будем пить на свадьбе кузена!

Линь Цю покраснел до кончиков ушей.

В последнее время Цао Кунь под предлогом закупки овощей зачастил в город. Он появлялся по шесть-семь раз в месяц, и каждый раз привозил с собой подарки: то городские лакомства, то красивые заколки и украшения, а то и дорогие ткани. Всё-таки человек в возрасте знает, как заботиться о других.

Проводя время вместе, Линь Цю постепенно проникся к нему симпатией. Цао Кунь был человеком широкой души, надёжным и ответственным — полная противоположность своему отцу. Юноша восхищался им.

К слову об отце, Цао Кунь принёс вести и о Линь Чанбине.

После развода тот женился на вдове Юй, но не прошло и полмесяца, как она устроила в их доме притон, наставив ему зелёные рога.

Они подрались. Вдова Юй обозвала его никчёмным мужчиной, который не может заработать ни гроша, и заявила, что раз в доме шаром покати, она имеет право торговать собой, чтобы прокормить семью.

Линь Чанбинь велел ей заниматься ткачеством, но вдова Юй, не привыкшая к такой тяжёлой работе, наотрез отказалась.

Теперь они стали посмешищем всей улицы. Стоило ему выйти из дома, как кто-нибудь обязательно отпускал шуточку, спрашивая, почём сегодня его жёнушка.

В конце концов, Линь Чанбинь не выдержал и развёлся с ней. Теперь он один воспитывал младенца и жил в крайней нищете.

Услышав это, Чэнь Жун почувствовала злорадное удовлетворение.

— Таким, как он, так и надо! Говорят, он ещё хотел прийти в город мириться. Пусть и не мечтает, чёрт бы его побрал! Даже если я умру, я к нему не вернусь!

Ван Ин, слушая всё это, тоже не мог не задуматься. Воистину, небесный закон цикличен, и никто не избежит воздаяния. Была у человека хорошая жизнь, но нет, ему нужно было всё испортить. И вот, когда семья распалась, он наконец одумался.

— Есть и ещё одна новость, — добавила госпожа Ли. — На второй день после вашего отъезда пришло письмо из Лайчжоу. Твой четвёртый дядя пишет, что в следующем году его срок

службы заканчивается, и его, возможно, переведут в Киото. Он постарается найти возможность помочь Цинъяню и добиться пересмотра дела.

Ван Ин замер.

— Это... это действительно возможно?!

— Я не знаю. Но это в любом случае хорошая новость.

— Если это правда... значит, у Цинъяня ещё есть надежда сдавать экзамены!

Госпожа Ли кивнула.

— Но в письме он также просил пока ничего не говорить Цинъяню. Это дело очень сложное, и он боится, что, если надежда окажется напрасной, его сердце не выдержит.

— Я понимаю... — кивнул он. Никто не мог дать гарантий, но надежда была лучше, чем её полное отсутствие.

После обеда Ван Ин отправился отдохнуть на задний двор. Комнату, в которой они жили, каждый день убирала слуги, и она была такой же чистой, как и прежде.

Сидя на кровати, он поймал себя на мысли, что скучает по Чэнь Цинъяню. Они расстались всего полдня назад, а ему уже его не хватало...

После обеда Эршунь разузнал о кирпичной мастерской. Цены на синий кирпич и черепицу сейчас были невысоки: синий кирпич стоил чуть больше трёх ли за штуку, то есть три штуки за одну вэнь. Древний синий кирпич отличался от современного красного, и для постройки пяти комнат требовалось около пятидесяти тысяч штук, что в сумме составляло шестнадцать гуань.

Черепица была немного дороже, но её требовалось меньше, так что восьми гуань вполне хватало.

Самым дорогим материалом было дерево. Для строительства дома лучше всего подходила высушенная на воздухе старая ель, но и сосна с кипарисом тоже были хорошим выбором.

Обычные семьи, желающие построить дом, начинали копить древесину за десять с лишним лет. Отец Чэнь при жизни тоже кое-что скопил, собираясь перестроить дом для Цинсуна, когда тот женится. Но сейчас это было не к спеху, так что дерево решили отправить в поместье.

На следующий день они связались с несколькими старыми плотниками и купили ещё немного

хорошей древесины. В общей сложности на материалы ушло около двадцати гуань. Теперь, когда всё было закуплено, оставалось только дожидаться доставки и можно было начинать строительство.

Пробыв в городе два дня, Ван Ин с нетерпением отправился в обратный путь.

Он хотел забрать детей с собой, но места для проживания было маловато. Они уже выросли, и селить их в одной комнате было бы неловко. В итоге он решил, что заберёт их в гости, когда новый дом будет готов.

На обратном пути он спешил так, словно за ним гнались. Он впервые познал вкус разлуки. Раньше, смотря сериалы, где герои после нескольких дней разлуки не могли оторваться друг от друга, он думал, что это преувеличение. Но теперь, на собственном опыте, он понял, что значит «один день в разлуке — что три осени».

В голове теснились мысли о Чэнь Цинъяне.

«Что он делает сейчас? — Ван Ин невольно нахмурился. — Читает или просто сидит, задумавшись? Покормил ли он щенка, которого они завели во дворе? Не испугался ли, встретив незнакомца?»

Повозка приближалась к поместью. Ещё не въехав в деревню, он увидел на обочине дороги знакомый силуэт в лазурной одежде. Супруг сидел на корточках, похожий на бездомного щенка, и машинально тербил в руках дикую траву.

В груди у Ван Ина гулко забилось сердце.

— Чэнь Цинъянь!

Задумавшийся юноша вздрогнул, резко поднял голову и, подобрав полы одежд, со всех ног бросился к повозке.

— Брат!

<http://bllate.org/book/15812/1437054>